

Записки социальной психопатки

Автор:

Фаина Раневская

Записки социальной психопатки

Фаина Георгиевна Раневская

«Чтобы получить признание – надо, даже необходимо, умереть» – говорила Фаина Георгиевна Раневская. Надо, но не ей. Она никогда не стеснялась в выражениях. Остроумие Раневской сродни рефлексу – оно произвольное.

Среди сотни книг о Фаине Раневской – в этих «Записках...» собраны не только ее лучшие афоризмы и цитаты, которые складываются в полноценную историю ее жизни, но и воспоминания о самых известных людях той эпохи: Анне Ахматовой, с которой Раневская вместе пережила эвакуацию, Ростиславе Плятте, Ольге Аросевой и многих, многих других...

Фаина Раневская

Записки социальной психопатки

© ООО "Издательство АСТ", 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Я – Фаина Раневская

Раневская в отличие от большинства других знаменитых людей не оставила мемуаров.

Ей не раз предлагали написать воспоминания и даже выплачивали аванс. Она начинала, бросала и возвращала деньги. Пожалуй, она вообще относилась к мемуарам отрицательно, а уж когда ей предложили написать об Ахматовой, ответила, что «есть еще и посмертная казнь, это воспоминания о ней ее „лучших“ друзей».

Так и получилось, что полноценных мемуаров Раневской не существует, есть только небольшие отрывки – черновики, дневниковые записи, письма, интервью. Это очень печально, и не только потому, что она могла бы рассказать много интересного, но еще и потому, что у нее был серьезный литературный талант. Она мастерски владела словом, могла короткой точной фразой высказать то, что многим не удалось бы объяснить и десятком предложений. Она с легкостью сочиняла литературные пародии и анекдоты, писала стихи...

Впрочем, один раз Раневская все же довела свою книгу мемуаров до конца. Работала над ней три года, а потом... уничтожила. В одной частной беседе она сказала, что написать о себе всю правду ей никто не позволит, а лгать она не хочет. Возможно, в этой ее бескомпромиссности и было дело. А возможно были и другие причины. Нам остается только гадать...

Фаина Георгиевна Раневская родилась в Таганроге в 1896 году в семье Гирша Хаимовича и Милки Рафаиловны Фельдман.

Конечно, тогда ее фамилия тоже была Фельдман – Раневской она стала много позже, когда выбирала себе актерский псевдоним.

Ее отец, Гирш Хаимович Фельдман, был человеком уважаемым и влиятельным, он владел химической фабрикой по изготовлению красок и со временем превратился в очень состоятельного нефтепромышленника, имевшего большой вес в местных торгово-промышленных кругах. В Таганроге у него был большой двухэтажный дом, в котором он жил со своей семьей, несколько доходных домов, магазины и даже пароход «Святой Николай».

В семье Фельдман было четверо детей – старшая дочь Белла, сын Яков, дочь Фаина и младший сын Лазарь, который умер ребенком. Дом, в котором они жили, сохранился и сейчас, а в 2008 году возле него был установлен памятник Фаине Раневской в роли Ляли из фильма «Подкидыш». Впрочем, сама она покинула отчий дом еще до революции и потом больше ни разу туда не приезжала.

Детство Фаины не было счастливым.

«Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве», – говорила она. На первый взгляд непонятно, в чем было дело, ведь ее семья была вполне состоятельной и в меру любящей.

Одинокость Фаины была не физическим, а психологическим – у нее была слишком тонкая чувствительная натура, и ей не находилось друзей и вообще близких по духу людей среди тех, кто ее окружал. Она вспоминала, что впервые почувствовала себя несчастной в шесть лет, когда увидела бедных замученных животных в приезде зверинце. Всех остальных они веселили, а она плакала...

К тому же, она заикалась, а в детском возрасте это страшное несчастье. Дети жестоки, и маленькая Фаина достаточно хлебнула насмешек одноклассниц. Да и учителя деликатностью и терпением не отличались. Так и получилось, что девочка не чувствовала себя счастливой и защищенной ни дома, ни в гимназии. Это плохо сказалось на ее характере – она стала нервной, замкнутой, почти перестала учиться...

В гимназии Фаина проучилась недолго – вскоре ее исключили за плохую успеваемость. Хотя может быть родители и сами ее оттуда забрали.

В письме одной своей приятельнице она впоследствии писала: «Училась в Мариинской женской гимназии Таганрога... Очень плохо... оставалась на второй

год... Гимназию ненавидела... не давались четыре правила арифметики, задачи решала, рыдая, ничего в них не понимая. В задачнике... купцы продавали сукно дороже, чем приобретали! Это было неинтересно». Она умоляла родителей забрать ее оттуда, в гимназии в свою очередь тоже хотели от нее избавиться, и довольно скоро родители перевели ее на домашнее воспитание.

Впрочем, дома Фаина получила образование не хуже гимназического – ее учили чтению, арифметике, иностранным языкам, музыке, ну и конечно же хорошим манерам, шитью и домоводству, как и положено девочке из приличной патриархальной семьи. Правда, качество этого образования оставляло желать лучшего, отец считал, что главное для женщины – удачно выйти замуж, поэтому на то, чему и как учат его дочь, он обращал мало внимания. Так и получилось, что всему, что ей могло понадобиться в жизни, Фаина училась сама, будучи уже взрослой.

Театром, игрой на сцене, актерством Фаина Раневская «заболела» еще в раннем детстве.

Уже в три года она разыгрывала сценки со своими куклами, причем каждой определяла роль, как заправский режиссер. Став постарше, она изображала всех, кто попадался ей на глаза, с удовольствием разыгрывая роль за ролью. А свой первый настоящий, пусть и любительский, театральный опыт она приобрела в восемь лет, поставив и сыграв с артистами-куклами знаменитый детский спектакль «Петрушка».

«Я переиграла все роли, говорила, меняя голос... – писала она в воспоминаниях. – Была и ширма, и лесенка, на которую становилась. Сладость славы переживала за ширмой. С достоинством выходила раскланиваться...»

Раневская говорила, что «Петрушка» – это было потрясение номер один ее детства. Вторым потрясением стал отрывок из какого-то цветного фильма (видимо раскрашенного вручную). Двенадцатилетняя Фаина с замиранием сердца смотрела прекрасную историю любви, а потом прибежала домой, разбила свою копилку и раздала деньги соседским детям – так ей хотелось после увиденной красоты сделать тоже что-то большое и красивое.

Склонность страстно влюбляться в людей вне зависимости от того, реальные ли они, выдуманные или вообще умерли много лет назад, Раневская унаследовала от матери.

Одним из первых воспоминаний ее детства стала смерть Чехова. Она навсегда запомнила прекрасное летнее утро и горестно рыдающую над газетой мать. Перепуганная Фаина поплакала вместе с ней, а потом нашла первую попавшуюся книгу Чехова и прочитала ее. Это оказалась «Скучная история», которая произвела на нее такое впечатление, что позже Раневская написала, вспоминая тот момент, когда она закрыла книгу: «На этом кончилось мое детство. Я поняла все об одиночестве человека».

Спустя несколько лет она вновь услышала крик и рыдания матери: «Как же теперь жить? Его уже нет. Все кончилось, все ушло, ушла совесть...» На этот раз умер другой обожаемый ею писатель, Лев Толстой. Его смерть Милка Фельдман переживала так тяжело, что надолго заболела.

Вот так и Фаина Раневская потом – любила кого-нибудь, так уж любила, с полной самоотдачей. Так она любила своих друзей, и так же она любила Толстого и Пушкина – со всей страстью, со всеми душевными силами, на какие была способна.

«Любила, восхищаюсь Ахматовой. Стихи ее смолоду вошли в состав моей крови», – писала Раневская в дневнике.

И это была чистая правда. Стихи Ахматовой, а потом и она сама так прочно вошли в жизнь Раневской, что теперь уже невозможно представить их друг без друга. Великая поэтесса и великая актриса – они были неразрывно связаны до конца жизни.

Их дружба по-настоящему началась в Ташкенте, во время Великой Отечественной войны, но познакомились они гораздо раньше. Раневская тогда, по ее собственным воспоминаниям, еще была Фаиной Фельдман и жила в Таганроге. Она прочла стихи Ахматовой, влюбилась в них и твердо решила познакомиться с поэтессой. Поехала в Петербург, нашла квартиру Ахматовой и позвонила в дверь.

«Открыла мне сама Анна Андреевна, – вспоминала она. – Я, кажется, сказала: «Вы – мой поэт», – извинилась за нахальство. Она пригласила меня в комнаты. Дарила меня дружбой до конца своих дней». Ахматова тогда поинтересовалась у Фаины: «Вы пишете?» Но та ответила: «Никогда не пыталась. Поэтов не может быть много». Возможно, с этой фразы Ахматова и присмотрелась к ней получше, выделив необычную девушку из числа своих многочисленных почитательниц.

В 1910 году Фаина познакомилась со знаменитой актрисой Алисой Коонен.

В то время Коонен была совсем молода, играла в Художественном театре и уже была достаточно известна как в Москве, так и за ее пределами. С Фаиной Фельдман они встретились в Евпатории, где Алиса гостила у своего брата, главного врача туберкулезного санатория.

Что касается Фаины, то ей тогда было четырнадцать лет, и в Коонен она была буквально влюблена – специально ради встреч с ней приезжала в Евпаторию и всюду сопровождала своего кумира.

Спустя пять лет, когда Фаина уже перебралась в Москву и пыталась стать актрисой, Коонен уже была примой недавно открывшегося Камерного театра под руководством Александра Яковлевича Таирова.

Раневская обожала этот театр, ходила туда на все спектакли и мечтала когда-нибудь и сама там играть. «Мне посчастливилось быть на спектакле „Сакунтала“, которым открывался Камерный театр... – писала она спустя несколько десятилетий. – Роль Сакунталы исполняла Алиса Коонен. С тех пор, приезжая в Москву (я в это время была актрисой в провинциальных театрах), неизменно бывала в Камерном театре, хранила преданность этому театру, пересмотрев весь его репертуар».

В 1913 году молоденькая Фаина Фельдман сделала первую попытку покорить Москву.

Она выпросила у родителей немного денег, поехала в первопрестольную и стала обходить театры, в надежде найти там работу. Но увы, попытка провалилась.

Желающих стать актрисами как всегда было много, а будущая великая Раневская в то время еще не могла ничего особенного предъявить, чтобы ее заметили. Опыта у нее не было, приличного образования тоже, и к тому же она так переволновалась, что вновь начала заикаться. Дошло до того, что ей уже прямо говорили, что для театра у нее профессиональная непригодность, лучше ей бросить эту затею и заняться чем-нибудь другим, не тратить зря ни свое, ни чужое время.

Пришлось Фаине ни солоно хлебавши возвращаться домой, как требовал отец. Правда и тут не обошлось без курьезов, преследующих ее всю жизнь. Родители перевели ей денег на дорогу, но когда она вышла с ними из почтового отделения, ветер вырвал у нее из рук банкноты и унес. Казалось, все было против того, чтобы она стала актрисой.

Но после первой неудачи Фаина не пала духом, наоборот, ее решимость стать актрисой только укрепилась.

Вернувшись домой, в Таганрог, она экстерном сдала экзамены в гимназии и начала посещать театральную студию. Там она научилась двигаться по сцене, правильно говорить, справляться с заиканием.

Однако одно дело любительские спектакли, а совсем другое – профессиональная сцена. Родители были не против увлечения Фаины театром, но не собирались позволять ей связывать со сценой всю жизнь. Она же со своей стороны уже все решила, и готова была пойти даже на открытый конфликт с отцом.

В 1915 году она снова поехала в Москву. Где она взяла на это деньги, остается только гадать, потому что совершенно точно отец ей ничего не дал. Хотя, сказать по правде, даже если бы он и смирился с ее выбором профессии, серьезную материальную помощь он оказать бы уже не сумел. Во время Первой Мировой войны дела его сильно пошатнулись, и уже не так много оставалось до того времени, когда он навсегда покинет и Таганрог, и Россию.

В 1915 году Москва вновь встретила Фаину неласково. Но на этот раз ей помог случай – судьбоносная встреча с Екатериной Васильевной Гельцер.

Деньги таяли со страшной скоростью, а заработков не было. Единственной подработкой, которую ей удалось найти, стало участие в цирковой массовке, но платили за это мало, а главное была эта работа крайне нерегулярной. Потом Раневская вспоминала: «Неудачи не сломили моего решения быть на сцене: с трудом устроилась в частную театральную школу, которую вынуждена была оставить из-за невозможности оплачивать уроки». А без денег в Москве не было возможности не только учиться, но и жить – за съемную комнату надо было платить, поэтому вскоре Фаина оказалась на улице.

Положение было безвыходным, и даже на возвращение домой (о чем она и думать не желала) все равно не было денег.

И тут случилось практически чудо! На рыдающую возле колонн Большого театра девушку обратила внимание проходившая мимо знаменитая балерина Екатерина Васильевна Гельцер. Она пожалела плачущую девушку и пригласила к себе переночевать.

Эта случайная встреча положила начало сорокалетней дружбе Екатерины Гельцер и Фаины Раневской.

С Екатериной Гельцер Фаина сдружилась сразу.

У них оказалось удивительное родство душ, и даже своей прямоотой и эксцентричностью они были очень друг на друга похожи. Гельцер была умной, язвительной, остроумной и имела привычку называть вещи своими именами. Это шокировало многих, но конечно не Раневскую, наоборот, ее это только восхищало.

Екатерина Васильевна много рассказывала Фаине о закулисы театральной Москвы, насмешливо именуя московскую богему не иначе как «бандой». Она познакомила ее со своими друзьями, возила с собой на спектакли во МХАТ, а потом они отправлялись в ресторан «Яр», где слушали пение настоящих цыган. «Гельцер показала мне всю Москву тех лет, – вспоминала потом Раневская. – Это были „Мои университеты“».

А чем юная провинциалка так покорила знаменитую балерину? Вероятно, своей яркостью, молодостью и целеустремленностью – Екатерина Гельцер искренне

восхищалась своей протее и любила говорить в своем неподражаемом стиле: «...Какая вы феноменально молодая, как вам феноменально везет!» И когда Раневская стала знаменитой актрисой, Гельцер не только не испытала зависти или чувства соперничества, а наоборот полюбила ее еще сильнее, и не раз повторяла, как она гордится тем, что они подруги.

Оказавшись в Москве, Фаина искренне наслаждалась жизнью и все свое время посвящала театру.

Она была молода и полна надежд, поэтому первые профессиональные неудачи не поколебали ее жизнерадостности и веры в будущее. К тому же, благодаря знакомству с Екатериной Гельцер, она сразу оказалась в самой гуще московской богемной жизни и своими глазами видела многих знаменитостей того времени, в том числе, например, самого Владимира Маяковского.

Конечно, пока она была всего лишь восторженной наблюдательницей, перед глазами которой разворачивалась жизнь знаменитых артистов, писателей и музыкантов. Но ей было всего двадцать лет, и она знала, что у нее все еще впереди.

А каждый вечер Фаина ходила в театр. Денег у нее разумеется не было, но ведь она не зря стала одной из величайших актрис XX века. Вот и тогда она проникала в лучшие театры Москвы благодаря своему пока еще непризнанному таланту. Подходила к окошку администратора, делала невинно-жалобное лицо и проникновенно говорила, что она – провинциальная артистка, никогда в жизни не бывавшая в хорошем театре. Администраторы ей верили и пускали из жалости, посмотреть на игру великих актеров.

Правда, такой фокус можно было проделать в каждом театре лишь один раз – лицо Раневской было слишком запоминающимся, и второй раз ее уже узнавали.

В том же 1915 году Раневская познакомилась с Мариной Цветаевой.

Встретились они конечно же благодаря Екатерине Гельцер, которая имела привычку всюду возить с собой Фаину и представлять ее своим друзьям и

знакомым.

С Цветаевой у Раневской не возникло той глубокой нежной привязанности, которая связывала ее с Вульф, Гельцер или Ахматовой, но тем не менее, они сдружились и потом много лет общались и даже поверяли друг другу секреты, которые не всем могли рассказать. Так например, она куда больше многих знала об отношениях Цветаевой с поэтессой Софией Парнок – отношениях, вызывающих осуждение общества, но совершенно не шокировавших совсем молодую тогда Раневскую. Она уважала любую любовь, и сочувствовала «русской Сапфо», как называли Парнок.

У Цветаевой она научилась всегда уважать творчество, даже если оно выглядит не слишком понятным и даже смешным. «Однажды произошла такая встреча, – вспоминала она, – в пору Гражданской войны, прогуливаясь по набережной Феодосии, я столкнулась с какой-то странной, нелепой девицей, которая предлагала проходим свои сочинения.

Я взяла тетрадку, пролиставла стихи. Они показались мне несуразными, не очень понятными, и сама девица косая. Я, расхохотавшись, вернула хозяйке ее творение. И пройдя далее, вдруг заметила Цветаеву, побледневшую от гнева, услышала ее негодующий голос: „Как вы смеете, Фаина, как вы смеете так разговаривать с поэтом!“».

Первую приличную работу в Москве Раневской нашла все та же Екатерина Гельцер – она порекомендовала ее в Летний театр в Малаховке.

Этот театр в дачном поселке Малаховка, где летом отдыхал весь цвет московской богемы, построил богатый театрал Павел Алексеевич Соколов. В летний сезон там всю кипела жизнь – по вечерам на спектакли съезжалась самая изысканная публика. И неудивительно, ведь на сцене Летнего театра пели Шаляпин, Собинов, Нежданова, Вертинский, а в драматических спектаклях играли такие знаменитые актеры, как Яблочкина, Садовская, Коонен, Остужев, Тарханов.

Фаину взяли туда на эпизодические роли, но несмотря на то, что играть ей приходилось всего ничего, да и платили за это копейки, она была совершенно счастлива. Главное – работа в этом театре стала для нее прекрасной школой,

там она училась сценическому мастерству у лучших русских актеров. И не только наблюдала за ними, но и играла вместе с ними на одной сцене. А ведь совсем недавно ей заявляли, что «в артистки она не годится».

Но самым важным событием «малаховского сезона» для Фаины Раневской стало знакомство с Илларионом Николаевичем Певцовым.

Вспоминая его, она всегда говорила, что он не играл, а жил в своих ролях и каждый раз по-настоящему умирал на сцене.

Этого выдающегося артиста Раневская впоследствии называла своим первым учителем. Впрочем, таковым он был не только для нее – он очень любил молодежь, и после спектакля часто подолгу прогуливался в компании молодых актеров и актрис. Он беседовал с ними о природе и театре, объяснял, что настоящий артист обязан быть образованным человеком, должен хорошо разбираться в литературе, живописи, музыке, и обязан любить природу. Раневская навсегда запомнила, как он с воодушевлением говорил молодым актерам: «Друзья мои, милые юноши, в свободное время путешествуйте, а в кармане у вас должна быть только зубная щетка. Смотрите, наблюдайте, учитесь».

Певцов стал для Раневской не просто другом и учителем – он вернул ей внутреннюю веру в себя, в свой талант, вновь помог поверить, что она обязательно станет настоящей актрисой.

В Малаховке Раневской посчастливилось познакомиться с великой русской театральной актрисой Ольгой Осиповной Садовской.

Той было уже за шестьдесят, она была очень знаменита, имела звание заслуженной артистки Императорских театров и продолжала играть на сцене ведущие роли, несмотря на то, что по состоянию здоровья не могла ходить. Как оказалось – настоящей артистке это не помеха, публика на ура принимала ее Кукушкину в «Доходном месте», Аполлинарию Антоновну в «Красавце-мужчине» и Домну Пантелеевну в «Талантах и поклонниках». Именно наблюдая за ней, Раневская поняла, как важны для актрисы хорошая дикция и умение владеть голосом.

А лично познакомились они случайно – в один прекрасный солнечный день Раневская села на скамейку около театра, где уже сидела какая-то старушка. А потом какой-то проходивший мимо человек почтительно сказал: «Здравствуйте, Ольга Осиповна».

Раневская подскочила от восторга, а удивленная Садовская перестала дремать и спросила ее, почему она так прыгает. Она объяснила, что это от восторга – потому что сидит рядом с такой великой актрисой. Садовская посмеялась, спросила, кто она такая и чем занимается – так и завязалось их знакомство.

Но в малаховском Летнем театре Раневская отыграла лишь один сезон, после чего ей пришлось уехать из Москвы.

Коррективы в ее планы внесла Первая Мировая война – враги наступали, большей части театральной публики стало не до развлечений, и Летний театр просто закрыли.

Раневская, как и другие артисты, вернулась в Москву и отправилась на так называемый «театральный базар» в поисках новой работы. Но желающих устроиться хоть куда-нибудь было гораздо больше, чем мест, поэтому в самой Москве у начинающей артистки было мало шансов. Так что, она ухватилась за первое же предложение – поехать в Керчь, поработать в антрепризе Лавровской.

«Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова прелестницу, соблазняющую юного красавца, – вспоминала потом Раневская. – Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: „Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...“ После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены».

Увы, но антреприза Лавровской скоро разорилась и закрылась, денег актерам не заплатили, и Раневская осталась в Керчи без работы и даже без денег, на которые могла бы вернуться в Москву.

После закрытия антрепризы Лавровской начался один из самых трудных периодов в жизни Раневской – долгие скитания по городам Крыма в попытках не умереть с голоду.

Вариант вернуться с повинной к родителям (Таганрог был не слишком далеко) она даже не рассматривала, предпочитая перебиваться случайными подработками в местных театральных постановках, а когда и этого не было – продавала что-нибудь из своих вещей. Спустя несколько лет, когда Раневская играла спекулянтку в спектакле «Шторм», журналисты спрашивали ее, где она научилась так торговать. Она ответила: «У меня был опыт. Начиная с Керчи, Феодосии, в Симферополе».

Тем временем произошла Февральская революция, Николай II отрекся от престола, в Крыму начались волнения... и это было еще только первым дуновением надвигающейся Гражданской войны.

Осенью 1917 года Раневская добралась до Феодосии, считавшейся театральной столицей юга России. Там она получила наконец роль, но ей снова не повезло – антрепренер сбежал, прихватив с собой все деньги, полученные за билеты.

Снова начались скитания. И вот, незадолго до Октябрьской революции Фаина Раневская оказалась в Ростове-на-Дону – совсем недалеко от Таганрога, где пока еще жила ее семья.

В октябре 1917 года власть вновь сменилась, у руля Советской России встали большевики, и сразу после этого вся семья Фаины Раневской эмигрировала за границу.

Нельзя сказать, что они вот так просто сбежали, бросив Фаину одну. Скорее всего они даже предлагали ей уехать с ними, но она отказалась. Почему? Она сама довольно точно это сформулировала, сказав много лет спустя: «Я точно знала, что не могу без России, без русского театра».

Но ее отцу в России оставаться не было смысла. Для советской власти он был классовым врагом, и сразу после Октябрьской революции его арестовали. Чтобы выйти на свободу, пришлось заплатить пятьдесят тысяч, после чего он, его жена и их сын Яков довольно быстро собрались и на собственном пароходе «Святой

Николай» отправились в румынский порт Констанцу. Их дочь Белла, старшая сестра Фаины, к тому времени уже давно жила с мужем за границей.

Больше Фаина никогда не видела ни отца, ни матери, ни брата. Ей довелось увидеться только с Беллой, да и то лишь сорок лет спустя. Но о своем решении она никогда не жалела.

В 1918 году в Ростове-на-Дону Фаина Раневская познакомилась с Павлой Леонтьевной Вульф.

Страшный это был год. Голод, террор и разруха, Гражданская война и интервенция... Но зато в Ростове-на-Дону гастролировала Павла Вульф, замечательная актриса, которую Фаина видела еще в юности в Таганроге в спектакле «Дворянское гнездо». На этот раз она твердо решила с ней познакомиться, дождалась ее утром около театра и практически без обиняков попросилась к ней в ученицы.

И Павла Вульф согласилась. Как-то так вышло, что обе женщины сразу почувствовали друг к другу огромную симпатию, подружались, и эта дружба продолжалась у них до самой смерти. Пожалуй, без этой встречи жизнь обеих сложилась бы совершенно иначе...

В первый же день Павла Вульф дала Раневской пьесу, велела выбрать роль и показать ей, на что она способна. Это была роль итальянской актрисы, и ради того, чтобы достоверно сыграть ее, Фаина нашла единственного в городе итальянца и научилась у него правильно говорить и жестикулировать. Павла Вульф была потрясена результатом – она сразу поняла, что встретила настоящий талант. С того дня она начала заниматься с Раневской сценическим мастерством, а потом устроила ее в театр.

Вскоре театр уехал в Крым, а вместе с ним поехала и Фаина Раневская, которой Павла Вульф предложила пожить у нее.

Конечно, Фаина сразу радостно согласилась – она уже прониклась к Павле Вульф огромной любовью и не хотела с ней расставаться. Да и зачем, когда все так

хорошо складывалось! Вместе с Павлой Леонтьевной и ее дочерью Ириной Раневская отправилась в Симферополь в бывший дворянский театр, теперь переименованный в «Первый советский театр в Крыму».

Пожалуй, в те страшные годы то и дело переходящий из одних рук в другие Крым был одним из самых ужасных мест бывшей Российской Империи. Сама Раневская вспоминал об этом времени так: «Крым, голод, тиф, холера, власти меняются, террор: играли в Севастополе, зимой театр не отапливался, по дороге в театр на улице опухшие, умирающие, умершие... зловоние... Иду в театр, держусь за стены домов, ноги ватные, мучает голод...»

Но зато там Раневская училась у Павлы Вульф, жила в ее доме, в ее семье – можно сказать, что она стала своей обожаемой учительнице ближе, чем родная дочь.

С тех пор Фаина Раневская и Павла Вульф не представляли свою жизнь друг без друга. Они прожили вместе тридцать лет и разъехались только в 1948 году, да и то вынужденно – семья Вульф получила квартиру в Москве на Хорошевском шоссе, а Раневская осталась жить в центре Москвы, чтобы быстрее добираться от театра до дома.

В симферопольском театре Фаина Фельдман стала Фаиной Раневской.

Новая фамилия стала для нее не просто сценическим псевдонимом, как это было у большинства артистов. Она ничего не любила делать наполовину, поэтому вскоре стала Раневской и по всем документам. С прошлым было покончено.

Почему она решила взять псевдоним? Возможно, просто ради благозвучности – это могла посоветовать ей Павла Вульф, немало натерпевшаяся из-за своей немецкой фамилии. А может быть из-за того, что быть родственницей эмигрировавших Фельдманов стало слишком опасно.

По поводу происхождения ее псевдонима тоже существует несколько версий. Сама она писала: «Раневской я стала прежде всего потому, что все роняла. У меня все валилось из рук». Некоторые ее знакомые рассказывали, что дело было в любви к Чехову и в том, что она чувствовала себя его землячкой и почти родственницей. Есть еще вариант, что кто-то из друзей сравнил Фаину с

героиней пьесы, увидев, как ветер вырвал у нее из рук деньги, а она, глядя им вслед, говорит: «Как красиво они летят!»

Кстати, свой первый сезон в Крыму новоиспеченная Фаина Раневская открыла ролью Шарлоты в «Вишневом саде» Чехова. И именно эта роль стала ее первым большим успехом.

В голодном разоренном Симферополе Фаина Раневская и Павла Вульф сумели выжить во многом благодаря Максимилиану Волошину.

Именно он спасал их от голодной смерти. Раневская вспоминала: «С утра он появлялся с рюкзаком за спиной. В рюкзаке находились завернутые в газету маленькие рыбешки, называемые камсой. Был там и хлеб, если это месиво можно было назвать хлебом. Была и бутылочка с касторовым маслом, с трудом раздобытая им в аптеке. Рыбешек жарили в касторке...»

Однажды вечером 21 апреля 1921 года, когда Волошин был у них, на улице началась стрельба, и перепуганные женщины уговорили его остаться с ними на ночь. За эту ночь он написал одно из самых знаменитых и страшных своих стихотворений «Красная Пасха», прочитав которое, можно составить представление, что тогда творилось в Крыму, и в каких условиях жила Раневская.

Зимою вдоль дорог валялись трупы

Людей и лошадей. И стаи псов

Въедались им в живот и рвали мясо.

Восточный ветер выл в разбитых окнах.

А по ночам стучали пулеметы.

Свистя, как бич, по мясу обнаженных

Мужских и женских тел...

Раневская умела из любых, даже самых тяжелых и неприятных событий в своей жизни извлекать уроки, которые потом помогали ей при создании новых ролей.

В трудные годы «военного коммунизма», когда чувство голода было постоянным и привычным, одна дама пригласила Раневскую и нескольких других актеров послушать ее пьесу. Дама сообщила, что вслед за чтением пьесы будет сладкий чай с пирогом, после чего все приглашенные конечно же радостно собрались в ее доме.

Спустя много лет Раневская вспоминала эту «толстенькую, кругленькую женщину», читавшую им пьесу о Христе, гулявшем в Гефсиманском саду. Артисты делали вид, что слушают ее, но в комнате слишком сильно пахло свежим пирогом, чтобы они могли думать о пьесе или о чем-либо еще кроме еды.

«Я люто ненавидела авторшу; которая очень подробно, с длинными ремарками описывала времяпрепровождение младенца Христа, – писала в воспоминаниях Раневская. – Толстая, авторша во время чтения рыдала и пила валерьянку. А мы все, не дожидаясь конца чтения, просили сделать перерыв в надежде, что в перерыве угостят пирогом... Впоследствии это дало мне повод сыграть рыдающую сочинительницу в инсценировке рассказа Чехова „Драма“...»

В конце 20-х годов в Ленинграде Раневская познакомилась с Самуилом Яковлевичем Маршаком.

Маршак впервые услышал о Раневской, когда она играла в Бакинском театре в пьесе «Наша молодость» по роману Виктора Кина. Вдова Кина вспоминала: «Никогда не забуду, как уговаривал Виктор Самуила Яковлевича поехать с ним в Баку посмотреть этот спектакль. Маршак сказал: „Очень хочу в Баку, а еще больше посмотреть актрису Раневскую. Я так наслышан о ней...“ Он даже просил Виктора взять билет и для него. Не помню уж, почему, но поездка эта не состоялась».

Когда же они наконец познакомились, они очень быстро подружились, и как это почти всегда было у Раневской – если уж подружились, то на всю жизнь.

Последний раз они виделись в 1963 году, в подмосковном санатории, когда оба переживали тяжелую потерю: Фаина Георгиевна – смерть сестры, а Самуил Яковлевич – смерть Тамары Габбе.

А уже через год Раневская стала одной из тех, кто провожал самого Маршака в последний путь, и на вечере, посвященном его памяти, читала свои любимые стихи:

И поступь, и голос у времени тише

Всех шорохов, всех голосов.

Шуршат и работают тайно, как мыши,

Колесики наших часов...

Однажды Самуил Маршак, спросил Раневскую, какое первое стихотворение она запомнила в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/faina-ranevskaya/zapiski-socialnoy-psihopatki-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)